

Знаете, что примечательного в Сочи летом? Вы, конечно же, скажете: это море, солнце, горы, дельфины, чурчхела и прочие природные радости. Не буду спорить, ведь именно этим славится прекрасный южный город. Но замечали ли вы, что Сочи – это ещё и люди. Один из самых популярных курортов России летом превращается в современный вавилон по части разнообразия представителей человеческой цивилизации. И делятся они на два взаимодействующих к общей пользе человеческих лагеря: местных жителей и туристов.

Не знаю, как там по статистике, но, из личного опыта, в конце лета на одного сочинца приходится восемь приезжих, включая понаехавших на ПМЖ.

Об этих восьми временных южанах и одном постоянном, объединённых серым двухэтажным домом в сочинском посёлке Вардане, я и хочу вам рассказать.

Я

Первая гостья – это я, самостоятельная дама бальзаковского возраста, плюс-минус. В меру высокая, в меру стройная, с высшим образованием и работой в бюджетной сфере. А зовут меня Ольга.

В Сочи я отправилась с бухты-баракхты. Планировала провести отпуск на даче, подальше от потенциальных носителей ковида. Но потом купила авиабилеты, забронировала одноместный номер в частном доме недалеко от моря и через неделю вылетела в место самого что ни на есть массового скопления людей. Да, противоречивость мне свойственна.

Интерес к новому, а в Сочи я летела первый раз, периодически омрачался волнением: что за дом, в котором мне предстояло провести десять дней, какие его хозяева. Отзывы в интернете были благоприятные. Но в эпоху «рейтингов» состряпать самому себе добрую репутацию – дело нехитрое. Волновал вопрос и соседей по общей кухне. В описании говорилось, что находится она на улице. Что-то типа летней веранды, оборудованной плитой и раковиной.

Подогревая, таким образом, весь полёт свои страхи-сомнения, я действительно сильно напугалась, когда вошла в калитку и увидела за общим столом на улице трёх угрюмых бородатых мужчин. Причём у двоих из них смоляные бороды были по грудь. Над моей головой блистали звёзды на таком же, как бороды, чёрном небе. А в малоосвещённом дворе блистали в мою сторону три пары мужских глаз. Если бы ноги не превратились в ватные, я бы точно сбежала. Не знаю куда, но куда-то подальше.

Самый худой и менее бородатый буркнул: «Здрасьте, я Лёха», и исчез в глубине дома. Я вцепилась в свою сумку. Не из-за боязни расстаться со своими богатствами, их там не было. Просто сумка оказалась единственным звеном, которое объединяло меня с привычным и надёжным.

Вскоре из дома вышла молодая худенькая низкорослая женщина, представилась хозяйкой Катей и отвела меня в мой номер на втором этаже.

В эту ночь я твёрдо решила почаще ходить в храм. Если выживу.

Лера

После тревожной ночи в сочинском доме, утром я вышла в холл в состоянии глубочайшей грусти. С такими бородатými и угрюмыми жильцами (это потом я узнала, что они были не постояльцы, а товарищи хозяев, забредшие к ним на часок) я не намерена была соседствовать. Предстояло искать новое жильё и говорить с хозяевами о возврате аванса.

И тут одна из дверей, выходящих в общий холл, открылась, и из-за неё показалась милостивая женщина моего возраста. Радость мою было не описать словами. Можно не съезжать, если такие тут живут.

Через час Лера повела меня на пляж, попутно рассказывая о местных особенностях, достопримечательностях и о себе.

Лера была родом из Новосибирска. Но душой, по её собственному признанию, была жительницей Сочи. Двадцать лет подряд два раза в год она приезжала в этот южный город отогреться и напиться морским воздухом. После смерти родителей и отъезда единственной дочери в Америку с родным городом Леру ничего кроме воспоминаний не связывало. Да и они, эти воспоминания, по большей части не радовали. Слишком много было в жизни расставаний и разочарований.

Первый раз Лера вышла замуж в начале девяностых за молодого лейтенанта. По выпуску из училища его направили служить в Нагорный Карабах, как раз накануне произошедших там военных действий. Жена офицера, естественно, поехала вместе с ним. Потрясения тех дней и угроза жестокой смерти не прошли даром для обоих. Выехав из Карабаха, каждый из супругов поехал к своим родителям. Больше и не встречались.

Второй муж оказался жадным бизнесменом, приватизировавшим на себя долю в квартире Лериных родителей. Муж считал, что достаточно делить с женой постель и стол, а жизнь за пределами дома и львиную часть дохода оставлял себе. Лера зарабатывала на жизнь парикмахерскими услугами. На хлеб с маслом хватало. Примерно такой же была лепта в семейный бюджет и состоятельного мужа. После того как он оттяпал часть родительского наследства, Лера забрала дочь и ушла. В силу своего доброго и мягкого нрава оспаривать несправедливую приватизацию она не стала. Деньги, вырученные от продажи после развода квартиры, поделили поровну.

О третьем муже Лера вспоминает с благодарностью. Он научил её разбираться в литературе, живописи и любить путешествия. Он был кандидатом филологических наук, писателем и бездельником, жившим в основном за счёт супруги. Но зато был хорош собой и умел красиво рассказывать об искусстве и культуре. Устав от его творческих запоев, в прямом и переносном смысле, Лера покинула и его.

Трудягой она была с самой молодости, работала в престижных салонах красоты, пока не открыла свой собственный. Скопила небольшой капитал и купила таунхаус в сочинском посёлке Головинка.

В лето нашей встречи она доделывала там ремонт и через год планировала переехать в Сочи навсегда.

В силу своей терпеливости и терпимости, Лера была единственным человеком в нашем мини-отеле, который мог долго общаться с ещё одним постояльцем – Андрюхой из Питера.

Но о нём – позже.

А сейчас пришла пора представить хозяев. Не в сумраке ночи, а, так сказать, наяву, я познакомилась с ними после возвращения с пляжа в первый день. Странное впечатление они на меня произвели. Есть такая порода людей, которые постоянно доказывают себе и миру, что они счастливы. При этом счастливы не прямо в этот конкретный момент, а когда-то в прошлом и обязательно в будущем. А для завоевания в настоящем этой птицы завтрашнего дня им осталось буквально чуть усилия и полшага. Главное – определиться, куда поставить ногу. На чёрное или на красное. В итоге ставят на зеро.

Катя

Детство Кати прошло в борьбе. С отчимом, с учителями, со сверстниками. Нелёгкая жизнь выкристаллизовала в её характере черты битого, но непобеждённого воина. После девятого класса Катя уехала от родителей, жила в другом городе неизвестно где и неизвестно на что. Об этом она предпочитала не распространяться. Замуж вышла в восемнадцать лет за мужчину старше её на десять лет и выше на сорок сантиметров. Преимущество мужа в росте и возрасте не позволяло ей грамотно и убедительно давать отпор его нападкам, в том числе и физическим. Через несколько лет после свадьбы Катя с маленьким сыном Никитой ушла от мужа в поисках лучшей жизни.

Девушка освоила массажные техники и стала набирать клиентуру. И так бы и жила она на своей тамбовщине, если бы не регулярные попытки бывшего мужа вернуть семейное счастье. В результате Катя, убегая, но не сдаваясь, оказалась в Сочи вместе с сыном и алиментами.

До встречи с Лёхой Катя работала массажистом в сочинском отеле «Рэдиссон». Но, проработав месяц, ушла оттуда из-за неоправданных финансовых ожиданий. Лёха, и никакой Лёха в принципе, после неудачного брака, в Катини планы не входил, по её словам. А, по словам Лёхи, после того как эта девица грубо его отшила, она очень даже прочно вошла в его планы.

Через месяц они сошлись в Лёхиной квартире в Дагомысе. Было это за три года до моего отпуска.

Лёха

Лёха как раз тот единственный местный сочинец в кругу восьми понаехавших, включая Катю. В свои сорок лет он чувствовал себя усталым стариком.

Кто не знает, Дагомыс – город не для ботаников и слюнтяев. Когда отец Лёхи понял, что малолетний сын полицейского направил стопы на стезю криминала, тут же определил его в суворовское училище. Обиду на отца за это Лёха таит до сих пор, при этом прекрасно понимая, что иначе бы сел.

Суворовское училище, потом военное, потом горячие точки и увольнение. По чьей инициативе закончилась военная служба, командования или самого Лёхи, – история умалчивает. Но не исключено, что первым не выдержало командование.

Однажды Лёха рассказал, что хотел как-то набить морду одному нечистоплотному командиру. И Лёхины сжатые кулаки этот подполковник увидел прямо перед самым своим носом. Не выдержав такой наглости подчинённого, командир стал мстить. Вспоминая об этом, немногословный Лёха играл желваками. Было похоже, что вспылил он именно в порыве порядочности. Есть у него такая характерная особенность – если прав, говорить то, что думает, невзирая на чины и дружеские отношения.

Катю Лёха увидел нетрезвым взглядом. Шла третья неделя его вольной гражданской жизни. Все дагомысские кабаки были посещены уже не по одному разу. И это стало наскучивать. А что впереди – Лёха не знал. Пенсию себе он уже заслужил, работать не умел и не хотел.

От предков по отцовской линии досталась ему двухкомнатная квартира в Дагомысе. От предков по материнской – дом в сочинском посёлке Вардане недалеко от моря.

Как говорится, есть всё и ничего.

Бродя по улице в поисках смысла жизни, пьяный Лёха увидел кареглазую красотку на высоченных шпильках и в широкополой шляпе.

«Девушка, приглашаю вас в... чебуречную», – выпалил Лёха, увидев вывеску рядом.

Катя, только что покинувшая богатую атмосферу «Рэдиссона», сочла такое предложение оскорбительным, о чём и уведомила Лёху в грубой форме.

«Вот коза!» – подумал Лёха и понял, что обрёл цель жизни.

Сначала друзья героя отступили на второй, а после знакомства с сыном Кати, Никитой, и на третий план. Девятилетний Никита удивительным образом оказался похож на Лёху.

За три года, вплоть до момента нашего знакомства, ни Катя, ни Лёха так работу и не нашли. Зимой жили в дагомысской квартире, летом перебирались в Вардане, сдавая жильё и там, и там. Алиментные деньги полностью отдавали Никите. В общем, материально не бедствовали, но мечтали о больших доходах. А морально... Сохраняли огонёк первой встречи, периодически напоминая друг другу, что они люди свободные, могут уйти, а могут и послать.

Андрюха

Катя заранее предупреждала о новых гостях, кто, откуда и во сколько приедет. Если приезд был вечерним, мы задерживались за чаем на открытой кухне и с любопытством ожидали новой встречи.

Когда в калитку вошёл молодой человек лет тридцати пяти и приветливо поздоровался, мы и представить не могли, какой омут таится за его скромной внешностью.

Бросив сумку в номере, Андрюха спустился с бутылкой водки, колой и банкой солёных огурцов. Через час он пришёл в то состояние, из которого не выходил до самого отъезда.

«Отпуск нужен для того, чтобы расслабиться и пить», – заявил он, выпил рюмку и приступил к рассказу о себе.

Журналист на удалёнке из Питера. Был официально женат три раза. Столько же официально разведён. Сейчас живёт с женщиной и её ребёнком. Мама его выбор не одобрила, как не одобряла и все три предыдущих брака, вероятно, считая сына достойным короны и как минимум полцарства. Сын, похоже, придерживался того же мнения.

«Мужчина должен быть альфа-самцом, который, как лев, окружён и любим женщинами», – неоднократно заявлял нам Андрюха.

При этом его речи шли в разрез с реальной ситуацией, которую он, не стесняясь, оглашал за общим столом. Каждый раз, возвращаясь с пляжа или экскурсии, полупьяный Андрюха извещал, со сколькими женщинами он сегодня походя познакомился и в обнимку сфотографировался. Лучшие из этих фотографий он отправлял своей даме в Питер. Как отчёт о своей «альфа-самцовости».

И ещё Андрюха настолько любил свою родину, что желал ей скорейшего разрушения.

«Что ж ты не валишь в свою Америку?» – спросил у него как-то Лёха.

«А потому, что я люблю Россию и хочу, чтобы в ней хорошо было жить, а не так, как сейчас».

«И как это сделать?» – не унимались мы.

Путём долгих рассуждений он приходил к выводу, что, если бы все деньги хотя бы Прохорова, оказались у Андрюхи, в России тут же наступила полная и безоговорочная благодать.

К исходу второго дня Андрюхину политинформацию выслушивала только добросердечная Лера, пытаясь мягко вразумить нигилиста, что не всё так плохо в России и не всё так хорошо в Америке.

Был ещё один человек, который как-то с интересом и пониманием выслушал Андрюхины сентенции. И звали его тоже Андрей.

Андрей

Андрей приехал из Омска. Больше мы о нём ничего не знали.

Лет ему было около тридцати, спортивного телосложения. Уходил он рано утром, возвращался поздно вечером или на следующий день, сообщая, сколько километров прошёл пешком по местным достопримечательностям. Однажды он в одиночку поднялся на гору Ахун и был доволен преодолённым испытанием.

У стола, за которым постояльцы вместе ужинали, Андрей никогда не задерживался. И мы были очень удивлены, когда два Андрея разговорились о роли мужчины в жизни женщины и своей страны. Андрей-спортсмен и Андрей-нигилист сходились в том, что мужчина – это сила, которую надо уважать.

Повоевавший в своё время, Лёха слушал этот разговор, иронично глядя сквозь дым сигареты. Потом встал, сплюнул со словами: «Ну вы и кадры», и ушёл спать.

Спортсмен больше в разговорах не участвовал, а пьяный нигилист стал приставать к Лёхе с вопросами об альфа-самцах. Чувствовалось, что хотел перенять опыт.

Аня и Юра

Юра и Аня... Этой екатеринбургской паре можно было без конца удивляться. Маленькая белокурая Аня оказалась женщиной со стальным характером. Громила Юра после женитьбы восемь лет назад добровольно отказался от собственного мнения. И это при том, что он был на четырнадцать лет старше жены и имел за плечами неудачный брак. Два сына, родившиеся в этом браке, жили

вместе с Аней и Юрой. В общем, девушка успешно управляла мужским коллективом, двигая вперёд корабль семейного счастья.

Строитель Юра по выходным работал на семью – строил дом. Сыновья помогали. Жена руководила процессом. После переезда в новый дом Аня поставила очередную цель – построить дом в Сочи. Расписали многочисленным родственникам радости летнего отдыха на море в собственном доме, собрали с них деньги, свои вложили и купили участок на сочинском побережье.

Этим летом они приехали на оформление сделки.

За нашими традиционными ужинами выяснилась ещё одна мечта Ани – подняться на Эльбрус. Уже купила ледоруб и специальные ботинки. Глядя, с каким унылым видом Юра реагировал на её мечту, Лера поинтересовалась, будет ли он сопровождать супругу?

А в Юре при росте 190 см примерно 150 кг веса.

«Конечно, буду, – ответил Юра. – Но до той отметки, где стоит последний перед вершиной бар. Там и подожду».

«Ничего, пока я соберусь, ты похудеешь и натренируешься», – уверенно заявила Аня.

Юра без сопротивления согласился.

При такой покорности жене он вовсе не походил на подкаблучника. Скорее, на добродушного и нежного великана, доверяющего своей любимой.

«Юра, какие планы у вас на сегодня, куда пойдёте?» – спросила я как-то утром.

«А куда жена скажет, туда и пойдём», – спокойно сказал он.

Как в той рекламе: к маме – значит к маме.

В последний вечер перед моим отъездом мы отмечали его день рождения.

Праздничное застолье с оттенком грусти

Удивительно легко знакомиться на беззаботном отдыхе. Всего-то несколько дней общения, и словно знаешь этих людей всю жизнь, и происходящее не временное явление, а вечное. А потом вдруг раз – и завершение отпуска. И домой вроде бы хочется. И прощаться как-то грустно. Ведь это всё больше никогда не повторится. И люди, ставшие такими близкими, с большой долей вероятности больше не встретятся на жизненном пути. А если и встретятся, то скорей всего станут лишь отголоском прожитого когда-то мгновенья счастья.

В состоянии такой преждевременной ностальгии я отправилась за покупками к праздничному столу. С меня были фрукты. В последний день хотелось себя и других порадовать чем-то особенным. И помимо прочего, я нашла на рынке дыню в форме золушкиной тыквы. Да, классическая сказочная тыква, которая стала каретой, а в полночь вновь приняла традиционный вид. Прямо именно такая, ярко-жёлтая, с пухлыми выпирающими дольками. Кажется, только поднесёшь ножик к углублению между этими дольками, и дыня сама развалится на десяток ровных кусочков.

Красивая, сказочная. А на вкус оказалась обычной дыней. Юрины шашлыки, Лерины баклажаны по-аджарски и Катины овощи по-армянски оказались гораздо вкуснее. Особенно сдобренные домашним вином.

Разошлись мы глубоко за полночь, после песен, танцев, бесед о счастье и прочих атрибутов душевного застолья. Единственно, чего не было – обещаний вечной дружбы и радостных встреч. Не к месту это было. Да и не нужно.

Всё доброе уходит не прощаясь, оставляя место уже спешащему навстречу новому добру.